DOI: 10.31249/rsm/2022.03.09

Н.Л. Туров, М.В. Зотова

ПАНДЕМИЯ COVID-19 В ГОСУДАРСТВАХ ДЕ-ФАКТО: РЕЖИМ ГРАНИЦ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ[1]

Аннотация. *В статье проанализировано влияние пандемии COVID-19 на государства, их экономику и повседневные практики местных жителей. Проведено сравнение последствий пандемии COVID-19 в шести постсоветских де-факто государствах (ЛНР, ДНР, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Нагорном Карабахе), в том числе динамики режима границы и трансформации повседневных практик местных жителей. Особое внимание уделено ситуации в Приднестровье и Абхазии, где осенью 2020 г. были проведены качественные социологические исследования (фокус-группы) с целью выявления изменений в повседневной жизни местного населения в связи с пандемией, в том числе трансформация направлений и мотивов поездок за пределы республик и восприятие сложившейся ситуации.*

Установлено, что пандемии актуализируют внутренние вооруженные конфликты, в том числе из-за секьюритизации границ, ограничивает международные усилия по урегулированию конфликтов. Показано, что государства стали не только более изолированными и испытали на себе кризис системы здравоохранения, но и столкнулись с обострением конфликтов с материнским государством (война в Нагорном Карабахе, столкновения на границе ЛНР и ДНР, пограничные инциденты в Южной Осетии и т.д.). Выявлено, что эпидемия COVID-19 усилила изолированность постсоветских де-факто государств и обострила их зависимость от государств-патронов. Распространение инфекции COVID-19 привело к усилению барьерных функций границ с материнскими государствами, как правило, по инициативе властей де-факто государств, в то время как режим границ с государствами-патронами практически не изменился.

Ключевые слова: *пандемия; COVID-19; вооруженные конфликты; государства де-факто; Абхазия; Приднестровье; граница; трансграничные практики.*

Туров Никита Леонидович – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

1. М.В. Зотова работала над статьей в рамках темы государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

E-mail: turov@igras.ru
Scopus Author ID: 57199509056
Researcher ID: AAR-3554-2021

Зотова Мария Владимировна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (ИГ РАН). Россия, Москва.
E-mail: zotova@igras.ru
Scopus Author ID: 22939777000
Researcher ID: F-9654-2016

Turov N.L., Zotova M.V. **The COVID-19 pandemic in de facto States: Border regimes and everyday**

Abstract. *The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on de facto states, their economy and the daily practices of residents. The first part of the study examines the impact of infectious diseases on armed conflicts in general. The second compares the effects of the COVID-19 pandemic in six post-Soviet de facto states (LPR, DPR, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria and Nagorno-Karabakh), including the dynamics of border regimes and the transformation of everyday practices of residents. Particular attention is paid to the situation in Transnistria and Abkhazia, where qualitative sociological studies (focus groups) were conducted in autumn 2020 to identify changes in the daily life of the local population in connection with the pandemic, including the transformation of directions and motives of trips outside the republics and perception of the current situation.*

It has been established that pandemics actualize internal armed conflicts, including due to border securitization and limit international efforts in conflict settlement. The study shows that not only de facto states have become more isolated and experienced a healthcare crisis, but they also faced an aggravation of conflicts with the parent state (war in Nagorno-Karabakh, clashes on the border of the LPR and DPR, border incidents in South Ossetia, etc.). It was identified that the COVID-19 epidemic has facilitated the isolation of post-Soviet de facto states and exacerbated their dependence on patron states. The spread of COVID-19 has led to an increase in the barrier function of borders with parent states, usually at the initiative of the de facto authorities of states, while the border regime with patron states has not changed much.

Keywords: *pandemic; COVID-19; conflicts; de facto States; Abkhazia; Transnistria; borders; transborder practices.*

Turov Nikita Leonidovich – Research Fellow of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: turov@igras.ru
Scopus Author ID: 57199509056
Researcher ID: AAR-3554-2021

Zotova Maria Vladimirovna – Ph.D. in Geography,
Senior Research Fellow of the Institute of Geography
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: zotova@igras.ru
Web of Science Researcher ID: F-9654-2016
Scopus Author ID: 22939777000

Введение: пандемия COVID-19 и вооруженные конфликты

Появившись в конце 2019 г., инфекция COVID-19 быстро превратилась в пандемию, стала не только угрозой общественному здоровью, но оказала влияние на все государства и все сферы человеческой деятельности и вызвала глубокий кризис многих общественных систем. По своей пандемию COVID-19 можно отнести к системным вызовам цивилизационного уровня, которые затрагивают все стороны жизни современного мирового сообщества и характеризуются изменением относительной цены активов, стремительным падением одних сфер (туризм, автомобильная промышленность, пассажирские авиаперевозки, контейнерные перевозки) и ростом других (цифровые индустрии, фармацевтика) [Вымятнина 2020; Аузан 2021]. По оценкам МВФ и ЮНКТАД, мировой ВВП в 2020 г. сократился на рекордные 3,5% [World economic outlook 2021, p. 1]. Дефицит государственного бюджета снижает способность государственных институтов полноценно функционировать. Действия правительств, балансирующих между необходимостями соблюдать эпидемиологические требования и поддерживать экономическую активность, уязвимы перед критикой и вызывают протест среди населения [Россия и мир 2021].

Сравнивая данные по предыдущим 57 прецендентам эпидемий, распространявшихся на территории многих стран и континентов, Р. Цензоло и М. Морелли [Censolo, Morelli 2020], утверждают, что: а) правительственные методы борьбы с пандемией, как правило, вступают в противоречие с интересами людей, из-за чего общество начинает отторгать государственные институты; б) эпидемии способствуют усугублению неравенства, так как поразному влияют на смертность и благосостояние разных слоев общества; в) эпидемии вызывают иррациональные фобии, что может привести к дискриминации отдельных сообществ.

В ходе эпидемий часто усиливается разделение на «своих» и «чужих», когда действия первых приобретают легитимность, а на вторых возлагают вину за кризис. Своеобразными «козлами отпущения», как правило, выступают наиболее бедные или маргинальные слои населения. Например, во вто-

рой холерной пандемии в Соединенных Штатах такую роль играли иммигранты и афроамериканцы [Censolo, Morelli 2020]. Нынешняя пандемия также порождает иррациональные страхи и дискриминацию определенных слоев населения. Однако в распространении короновируса на начальных стадиях обвинялись не только мигранты, как потенциально опасные переносчики вируса, но и обеспеченные слои населения, активно перемещающиеся по миру. При обвинении целых стран в создании и распространении вируса, страхи проецируются и на их представителей как переносчиков болезни [Dodds et al. 2020]. Подобное наделение определенного сообщества свойствами «носителя вируса» усиливает потенциал возникновения конфликтов.

Анализ индексов готовности к эпидемиям и уязвимости к инфекционным заболеваниям показывает, что многие страны не были готовы к борьбе с крупномасштабной эпидемией. Среди наименее подготовленных к пандемии с высоким индексом уязвимости к инфекционным заболеваниям оказались страны, затронутые гражданскими войнами: Афганистан, Демократическая Республика Конго (ДРК), Гаити, Сьерра-Леоне, Сомали, Южный Судан и Йемен [Moore et al. 2016].

Пандемии в силу глобального масштаба усиливают внутренние конфликты и из-за обострения многих внутренних проблем (безработицы, бедности, низкого уровня здоровья населения). Во-первых, государства становятся более закрытыми, что ограничивает деятельность миротворческих сил и нарушает выработанные механизмы разрешения конфликтов. Во-вторых, пандемия отвлекает внимание международных акторов от регионов с высоким конфликтогенным потенциалом на свои внутренние проблемы [Mustasilta 2020]. В-третьих, негативные экономические последствия и ослабление противников открывает возможности для активизации оппозиционных движений [As if the war 2021]. Исследование М. Доу [Daw 2021] в странах с затяжными гражданскими войнами – Ливии, Сирии и Йемене – выявило корреляцию между продолжающимися конфликтами и пандемией COVID-19. Уровень смертности в этих странах в пиковые моменты мог превышать среднемировой в 5 раз.

COVID-19 как новая насущная проблема стал использоваться как правительствами, так и негосударственными субъектами для продвижения своих интересов. Под лозунгом преодоления неблагоприятных последствий правительства пытались усилить контроль над мало(не)контролируемыми территориями, например за счет изменений в распределении благ с целью усиления неравенства с конфликтующим регионом. В Турции неравномерное распределение медицинского оборудования и информирование населения о пандемии COVID-19 исключительно на турецком языке дискриминировало курдское меньшинство [Gurses, Balta, Çelik 2021].

Негосударственные акторы, например повстанческие группы в Сомали [Blanc 2020] и Йемене [Nagi 2020], извлекали свою выгоду, масштабно вербуя уязвимые слои местного населения, обедневшие в результате роста безработицы и сокращения объемов денежных переводов. Однако в результате общего экономического кризиса и падения цен на природные ресурсы в 2020 г. доходы повстанцев, контролирующих и эксплуатирующих месторождения полезных ископаемых, значительно сократились.

Согласно данным информационной базы о конфликтах Университета Уппсалы, с начала пандемии COVID-19 произошло увеличение числа вооруженных конфликтов. Хотя на начальной стадии распространения инфекции некоторые специалисты считали, что число конфликтов должно сократиться из-за снижения боеготовности воюющих сторон [Posen 2020]. Снижение числа конфликтов на начальной стадии развития пандемии могло быть вызвано как призывом Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша в марте 2020 г. прекратить огонь и тем самым способствовать уменьшению распространения COVID-19, так и сокращением потока информации из очагов напряженности. Некоторые стороны, как официальные правительства, так неправительственные вооруженные группы, например Армия национального освобождения в Колумбии, Новая народная армия на Филиппинах, повстанческие группы Северного Альянса в Мьянме объявили о временном прекращении огня в качестве гуманитарного жеста. Однако уже к лету 2020 г. интенсивность вооруженных конфликтов в большинстве стран вернулась к прежнему уровню, а в некоторых случаях возросла [As if the war 2021].

Анализ информации за первые шесть месяцев пандемии показал рост активности вооруженных конфликтов в пяти странах (Индии, Ираке, Ливии, Пакистане и Филиппинах), в первую очередь из-за ослабления государственных институтов, а также снижения внимания к конфликтам международных акторов, что в совокупности привело к активизации повстанцев и позволило им проводить военные действия без реакции [Ide 2021]. В четырех странах (Афганистане, Колумбии, Таиланде и Йемене) интенсивность конфликтов снизилась, что может быть связано с решением вооруженных групп использовать вспышку эпидемии для получения легитимности и общественного одобрения.

В то же время, по данным исследований М. Мерла и П. Тернера [Mehrl, Thurner 2021], пандемия коронавируса не повлияла на число вооруженных конфликтов в мире, заметно изменив только основные очаги напряженности. Количество столкновений уменьшилось в Юго-Восточной Азии, Европе и на Кавказе, но увеличилось на Ближнем Востоке. По опыту предыдущих эпидемий число столкновений несколько снижается на время пандемии из-за концентрации сторон на внутренних проблемах, однако после эпидемии неразрешенные конфликты разгораются с новой силой [Censolo, Morelli 2020].

Пандемия в государствах де-факто

Пандемия служит определенным тестом на жизнеспособность государств, подчеркивая несостоятельность слабых («weak state»). Страны с развитыми государственными институтами обладают необходимым ресурсом для восстановления после серьезных потрясений. В случае дестабилизации работы институтов и предоставления гражданам базовых услуг в области образования, здравоохранения, в том числе вакцинации, и др., государство рискует потерять легитимность. Ослабление позиций государства открывает возможности увеличения легитимности негосударственных акторов, которые стараются заполнить пробелы в управлении и предоставлении различных услуг. Например, ИГИЛ[2] издавало инструкции о необходимости мытья рук; Хезболла мобилизировала медицинский персонал; вооруженные группировки в Колумбии, Мексике и Бразилии доставляли пакеты гуманитарной помощи и ввели комендантский час, чтобы ограничить распространение вируса; множество вооруженных группировок, выступающих против хуситов в Йемене, раздавали еду в своих общинах [см.: Jackson, Weigand 2020; Yayboke, Graff, Staguhn 2021]. Запуская кампании по профилактике COVID-19 и информированию населения, негосударственные акторы взяли на себя функции, которые обычно выполняют официальные власти.

В отличие от большинства неконтролируемых территорий, над которыми повстанцы нередко осуществляют только частичный контроль, правительства де-факто государств эффективно управляют своими территориями [Колосов, Себенцов, Туров 2021]. Такие политии в целом удовлетворяют основным критериям жизнеспособности полноценных государств, таким как высокая степень экономической самодостаточности, способность поддерживать внутреннюю целостность, выполнять управленческие и социальные функции, и по большому счету отличаются от них только отсутствием внешней легитимности в виде международного признания [см., например, Маркедонов 2021].

Классическими де-факто государствами большинство исследователей [см.: Попов 2015; Заяц 2020; Pegg 1998] считают Республику Косово (РК), Республику Абхазия (РА), Республику Южная Осетия (РЮО), Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), Нагорно-Карабахскую Республику (НКР), Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК), Республику Сомалиленд (РС). В 2014 г. к этим политиям прибавились Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). С некоторыми оговорками в этот список включают Китайскую Республику (Тайвань),

2. «Исламское государство» — экстремистская террористическая организация, запрещенная в РФ.

Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), территории Шан и Ва в Мьянме, районы подконтрольные ФАРК в Колумбии.

В 2020 г. распространение эпидемии коронавируса и последующее повсеместное ужесточение режимов границ особенно остро сказались на повседневной жизни населения государств де-факто, обнажив многие внутренние проблемы и противоречия. Большинству де-факто государств, в некоторой степени за исключением Китайской Республики (Тайвань) и Северного Кипра, потребовалась значительная внешняя помощь для преодоления кризиса в области здравоохранения. Сложившаяся ситуация в большинстве случаев были использована в своих интересах как властями непризнанных, так и руководством материнских государств.

Более подробно ситуация была рассмотрена на примере двух постсоветских государств де-факто – Абхазии и Приднестровья, где осенью 2020 г. при участии авторов по единому сценарию с учетом территориальных особенностей и состава населения республик было проведено 13 фокус-групп[3]. В Абхазии исследования состоялись в Сухуме, в относительно благополучных туристических северо-западных (Гагра) и бедных юго-восточных районах (Очамчира и Гали). В Приднестровье фокус-группы проводились в столичном Тирасполе, Бендерах, расположенных на правом («молдавском») берегу Днестра и имеющих тесные связи с Кишиневом, Рыбнице и Дубоссарами. Среди прочих вопросы касались повседневной жизни населения, частоты, направлений и мотивов поездок за пределы республик, семейных и иных связей с зарубежными странами, влияния пандемии на повседневные практики.

Наравне с другими, весной 2020 г. государства де-факто закрыли свои границы, полностью или частично ограничив мобильность с целью сокращения распространения инфекции. Режим границ, как фактор, так и результат трансграничных взаимодействий, в государствах де-факто отражает их специфику – озабоченность проблемами безопасности, зависимость от государства-патрона, степень вынужденной изоляции и стремление к диверсификации внешних связей. Функции и режим границы зависят не только от двух- или многосторонних отношений между соседними странами, но и от «объективных» потребностей во взаимодействиях, таких как необходимость решения экологических или технологических проблем, возможного только при

3. Группы с представителями молодого и старшего поколения позволили учесть особенности социализации граждан (советский и постсоветский периоды), группы с представителями основных этносов в Абхазии (абхазов, мингрелов, армян и русских, в Приднестровье – русских, украинцев и молдаван) – влияние этнической самоидентификации, отдельные группы с мужчинами и женщинами в Абхазии – фактор гендерных различий.

совместных усилиях, родственных связей жителей приграничных районов [Kolosov, Zotova 2021; Golunov 2021].

Жесткость нового пропускного режима варьируется от максимальной закрытости, как на границах ЛНР и ДНР с Украиной, границах Абхазии и Южной Осетии с Грузией, которые с марта 2020 г. открывались на незначительное время буквально несколько раз, до относительной открытости границ Приднестровской Молдавской республикой (ПМР). В то же время режим работы пропускных пунктов на границах с государством-патроном, хотя и подвергся сильным ограничениям в начале распространения пандемии, потом был восстановлен, хотя и с некоторыми оговорками.

Условия пересечения границы с Россией и линии разграничения с Украиной в народных республиках Донбасса заметно различаются. Российская граница оставалась фактически открытой для всех жителей ЛНР/ДНР, зарегистрированных по месту жительства на неподконтрольной Украине территории, фактически с самого начала пандемии COVID-19. Продолжили работу и все местные пункты пропуска. Однако въезд на территорию ЛНР/ДНР граждан России был существенно ограничен, их пропускали только при наличии близких родственников в ЛНР/ДНР, на похороны близких родственников, для лечения, на работу и учебу при предъявлении соответствующих документов. Если до пандемии граждане третьих стран могли въехать на территорию республик со стороны России без оформления визовых документов при наличии двукратной российской визы, то с марта 2020 г. режим границы был существенно ужесточен, и подобные разрешения были отменены. Изменившиеся обстоятельства развернули трансграничные потоки на границе с Россией. После событий 2014 г. пересекать границу стали в основном жители ДНР и ЛНР, в том числе на ежедневной основе с целью работы и покупки товаров. Согласно опросам DNR LIVE Research, больше всего респондентов, выбирающих российское направление, едут работать в Московский регион (28%), Краснодарский край (15%), Ростовскую область (14%) и Республику Крым (12%) [Наши в РФ… 2016]. В то же время около трети выехавших с начала конфликта вернулись в республики. Основными причинами стали сложность получения патента, проблемы с арендой жилья, снижение доходов (особенно из-за коронакризиса) и семейные обстоятельства. Жители республик, проживающие вблизи границы, превратились в классических фронтальеров, ежедневно пересекающих российскую границу. Основной контингент маятниковых мигрантов составляют мужчины трудоспособного возраста и пенсионеры. Жители ЛНР и ДНР также ездят в Россию за бензином, продуктами, лекарствами и медицинскими услугами (в частности, с целью вакцинации от COVID-19), а также за получением российского гражданства.

В свою очередь линия разграничения ЛНР и ДНР с Украиной протяженностью 450 км приобрела ярко выраженные барьерную и фильтрующую

функции: время ее пересечения достигает 6–8 часов, введены ограничения для многих категорий граждан, регулярно сокращается перечень разрешенных к провозу товаров, ужесточаются проверки, распространена коррупция. Въезд на Украину был возможен только по украинским паспортам через пять пунктов пропуска (четыре в ДНР и один в ЛНР). Если до пандемии около 1 млн человек ежемесячно проходило через пункты пропуска, то после 2020 г. трансграничный поток сократился до 300–500 человек за сутки.

Существенные ограничения коснулись и правил пересечения самой линии разграничения. С марта 2020 г. въезд на Украину из ЛНР и ДНР разрешен только украинским гражданам в режиме «гуманитарного коридора». Для этого им необходим обширный пакет документов: пропуск, выданный СБУ; документ, подтверждающий постоянную регистрацию на неподконтрольной Киеву территории; справка из Миграционной службы Украины; специальное разрешение от Оперативного штаба ДНР или МИД ЛНР. Кроме того, с начала пандемии большинство пунктов пропуска либо закрыты, либо открываются лишь несколько раз в неделю. По мнению международных наблюдателей, местные элиты извлекают выгоду из сложившейся ситуации, зарабатывая на посреднических услугах в оформлении документов, услугах обналичивания социальных пособий и переводов (из-за отсутствия возможности у местного населения получить наличные деньги с российских и украинских счетов), а также взимая дань с перевозчиков, существенно ограничивая пересечение границы с Украиной. Главным следствием принятых на Украине мер стало не столько увеличение потока через российскую границу, сколько существенное усиление изоляции республик. Основные мотивы пересечения линии разграничения – продление регистрации на территории Украины, получение пенсий и пособий, переоформление документов, а также посещение родственников, лечение, малый бизнес, контрабандная деятельность.

Абхазия и Южная Осетия закрыли границу с Грузией сразу после выявления на ее территории первого случая заражения COVID-19 и отвергли помощь в сфере здравоохранения. Дальнейшее развитие эпидемии существенно пошатнуло экономическую состоятельность этих политий. Закрытие границы с Россией в апреле 2020 г. привело к дефициту товаров повседневного спроса и значительному росту цен в Южной Осетии. В условиях двукратного падения валовой добавленной стоимости в промышленном производстве и строительстве российская помощь была крайне важна для поддержания социальной стабильности. Спорадические перекрытия Транскавказской автомагистрали, единственной дороги, связывающей Южную Осетию с внешним миром, нарушали сложившийся порядок хозяйственной деятельности и повседневной жизни в республике. С конца февраля 2020 г. были закрыты и все пункты упрощенного пропуска на границе с Грузией. Она открывалась всего несколько раз по особому распоряжению правительства Южной Осетии, чтобы обеспе-

чить перемещение нескольких граждан в Грузию в связи с форс-мажорными обстоятельствами [Себенцов и др. 2022].

В аналогичном порядке единственный стабильно работающий местный пешеходный пункт пропуска «Ингур(и)» на границе Абхазии и Грузии с конца февраля 2020 г. перешел на режим работы по требованию. В условиях карантина гуманитарный коридор для возвращения временно находящихся в Грузии жителей Абхазии открывался всего четыре раза. Пограничные пункты пропуска на границе с РФ были закрыты с начала апреля по август 2020 г. и открывались только по требованию.

Несмотря на кажущуюся стабильность, пандемия коронавируса изменила ситуацию и в Приднестровье. С середины марта 2020 г. на обоих участках границ ПМР было сокращено число действующих пунктов пропуска: до шести – на границе с Молдовой и до четырех – на границе с Украиной. С приднестровской стороны граница с Молдовой была дополнительно усилена мобильными постами с целью исключения бесконтрольного перемещения граждан. Выезд за пределы Приднестровья без соблюдения последующего режима самоизоляции с марта 2020 г. стал возможен только на срок до 12 часов после предварительного согласования с Оперштабом ПМР по заранее отправленной заявке на выезд. Из 5 тыс. обращений граждан с целью получения разрешения на выезд с марта по август 2020 г. были одобрены только чуть больше 3 тыс. При этом власти Молдавии беспрепятственно пропускали жителей левого берега Днестра. Жесткие решения Тирасполя вызвали критику и официального Кишинева, и простых жителей Приднестровья, которые регулярно ездили на территорию Молдовы с повседневными целями.

Формально пандемия не привела к изменениям режима границ Нагорного Карабаха, так как граница с государством-патроном оставалась открытой, а с Азербайджаном – полностью закрытой. Тем не менее этот случай стал наиболее показательным примером обострения военных конфликтов в условиях пандемии в результате снижения активности международных акторов и ограничения деятельности миротворческих сил в регионе. Возобновившиеся в конце сентября 2020 г. военные действия привели к сокрушительному поражению Нагорно-Карабахской Республики (НКР), введению российских миротворцев, сокращению размера территории, фактически контролируемой властями республики, в 3,6 раза, потере контроля над большей частью сельскохозяйственных земель и системой энергоснабжения, утрате ключевых объектов историко-культурного наследия. После заключения трехстороннего соглашения о прекращении военных действий между главами Армении, Азербайджана и России 10 ноября 2020 г. новые границы Нагорного Карабаха (только с Азербайджаном) контролируются российскими миротворцами. Пересечение границы НКР иностранными гражданами возможно только после получения соответствующего разрешения в МИД НКР и сертификата на

въезд в постоянном представительстве Республики Арцах в Ереване [МИД Карабаха… 2021]. Однако дальнейшая реализация внешних угроз и любые непредвиденные подвижки могут серьезно дестабилизировать обстановку.

«Дальше Днестра – никуда»: Влияние COVID-19 на повседневные практики жителей Приднестровья

Как правило, граница материнского государства и де-факто государства выполняет барьерные функции. В лучшем случае она представляет собой полосу отчуждения, в худшем – линию фронта. Контакты здесь либо полностью отсутствуют, либо сведены к минимуму. На этом фоне граница, отделяющая ПМР от остальной территории Молдовы, представляет исключительный пример открытости и двусторонней проницаемости. Например, в период значимых социально-экономических градиентов жители Молдовы регистрировались в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) для получения местных пенсий и социальных пособий. Затем подобные практики трансформировались в досуговые. Например, кишиневцы ездили в Тирасполь болеть за приднестровский футбольный клуб «Шериф», выступающий в европейских турнирах под молдавским флагом. В свою очередь жители ПМР пользовались медицинскими центрами Кишинева. Граница не препятствовала ни маятниковым миграциям, ни сотрудничеству правоохранительных органов, ни проведению единых спортивных соревнований [Бражалович и др. 2017]. Более того, власти Молдовы оказывали определенную помощь местному населению, предлагая различную социальную поддержку, включая образовательные программы.

Борьба с коронавирусом могла стать еще одним фактором сближения правобережной Молдовы и Приднестровья. На начальном этапе распространения коронавируса было налажено сотрудничество между учреждениями здравоохранения двух берегов Днестра. Пробы на COVID-19 отправлялись из Приднестровья на диагностику в молдавскую столицу. Благодаря связям с Молдовой в Приднестровье, единственном из всех постсоветских государств, для борьбы с пандемией использовались пять различных вакцин (Спутник V, AstraZeneca, Pfizer, Sinovac, Sinopharm) [Заяц 2021].

Однако по инициативе властей ПМР, ограничивших пересечение границы республики в апреле 2020 г., выстроенные торгово-экономические и личные связи между сторонами были временно нарушены. Население, занятое на другом берегу и ежедневно пересекающее границу с трудовыми целями, потеряло работу. Стало невозможным ежедневное использование моста между Рыбницей (ПМР) и Резиной (Молдова). Единственным способом сохранить работу в Молдове для приднестровцев остался переход на вахтовый метод. Пандемия также сказалась на деятельности фермеров, которые продавали свою продукцию на молдавских рынках:

«На самом деле ужасно всё. Потому что многие потеряли работу, те кто были в Молдове, а значит и заработок. Проблема приехать и уехать кому-то на работу отсюда. Трудности малого бизнеса, опять-таки, в связи с тем, что невозможно вывезти или завезти товар» [Приднестровье, Рыбница, украинцы].

Ограничение поездок в Молдову также повлияло на уровень обеспеченности жителей Приднестровья медицинскими услугами, так как некоторые их виды (кардиохирургия, протезирование, МРТ и др.), официально переданные системой здравоохранения ПМР на аутсорсинг кишиневским больницам [Vlas 2021], приднестровцы могли получить только в Кишиневе:

«У нас отвратительная медицина и люди, которые болеют какими-нибудь страшными, смертельными болезнями, они не могут выехать и вылечиться. Туда невозможно выехать просто обследоваться. Закупить какие-то лекарства» [Приднестровье, Рыбница, украинцы].

Пандемия усложнила и процесс получения жителями Приднестровья российских пенсий и любых международных переводов, так как банковские карты систем Visa и Mastercard заблокированы на территории республики с 2020 г. Местные жители ежемесячно ездили за наличными в Молдову или Украину. После введения ограничений подобные практики стали недоступны, существенно усложнив повседневную жизнь:

«Ну я-то на фрилансе подрабатываю, мне деньги падают на молдавскую визу, то есть мне выехать на Варницу снять эти деньги – это целая история, это мне в оперштаб надо чуть ли не вгрызться до смерти» [Приднестровье, Бендеры, смешанная группа].

Таким образом, секьюритизация границ заметно изменила привычный образ жизни местного населения и определила наиболее значимые сферы трансграничных практик. Практически все участники проведенных в ПМР фокус-групп подчеркивали усиление изоляции:

«Очень плохо повлияла! Ну, невозможно ехать. Мы недовольны, мы изолированы, мы привыкли ездить [на другую сторону Днестра], обмениваться там, какими-то товарами, продуктами, а сейчас вот как-то совсем грустно, неинтересно» (Приднестровье, Дубоссары, молдаване).

«Надо элементарно съездить к больным родителям, и то нельзя, и это, уже не говоря про работу, про учебу, документы, лечение. Это всё очень трудно и сложно. Я понимаю, что пандемия и должны быть какие-то рамки, но то, что сейчас творится, это переходит через все рамки уже» (Приднестровье, Бендеры, смешанная группа).

Тем не менее даже в условиях пандемии сохранились некоторые возможности для трансграничных взаимодействий. Например, некоторые послабления в правилах пересечения границы были сделаны для фермеров из молдавских сел, имеющих земельные участки на приднестровской территории. Однако привилегированное положение одной группы (молдаване) уси-

ливало напряжение в приднестровском обществе. Как сказал один из участников фокус-групп:

«Они [молдаване] имеют свободное передвижение … а мы не имеем. Это создает неравные возможности, развивает злобу… При этом, какая разница, молдаванин он, или не молдаванин, а получается, злоба растет к человеку, которому разрешили» (Приднестровье, Дубоссары, молдаване).

«Это страна туристов, это мандарины – это всё...»: влияние COVID-19 на жизнь Абхазии

Из-за ужесточения режима границы с Россией в 2020 г. в Абхазии сильно пострадала туристическая сфера – ключевая для местной экономики (1/3 ВВП страны) [Голунов, Зотова 2021]. Введенные ограничения почти сорвали туристический сезон 2020 г. в республике и парализовали отрасль, так как она ориентирована исключительно на поток российских туристов. Сокращение продолжительности туристического сезона и почти двукратное снижение числа въехавших в республику туристов из-за пандемии сильно ударило по доходам местного населения. Особенно остро это почувствовали жители приграничных с Россией городов, специализирующихся на туризме:

«Перекрыли границу, сразу все почувствовали. За эти 4 месяца, сколько, 4 месяца была граница закрыта? Это хорошо еще питание пропускали, а если бы еще питание не пропускали, совсем было бы…» (Абхазия, Гагра, смешанная группа).

Российские субсидии, составляющие примерно половину государственного бюджета, заметно сократились с началом пандемии. По данным Международной кризисной группы, в 2020 г. Абхазия должна была получить в 2 раза меньшую по объему финансовую помощь (около140 млн долл. вместо 300 млн долл. в 2012 г.) [The COVID-19 challenge in 2020]. И даже эти выплаты были серьезно задержаны. Сокращение российской поддержки и отсрочку перевода трансфертов в 2020 г. сразу почувствовало местное населения – бюджетники несколько месяцев не получали зарплату:

«Экономически мы на низком уровне сейчас. Были такие два месяца, когда правительство не могло выплатить зарплату ни учителям, ни врачам. В связи с пандемией наихудшее было положение» (Абхазия, Гали, мингрелы).

Последствия пандемии привели к серьезному дефициту республиканского бюджета и, соответственно, неготовности властей увеличить расходы на здравоохранение в условиях быстрого распространения инфекции. Нагрузка на систему здравоохранения увеличивалась в том числе из-за отсутствия профилактических мер со стороны местных властей. В связи с тем, что начало пандемии совпало с президентскими выборами, на первых порах правительство было больше озабочено их проведением, важным с точки

зрения легитимизации де-факто государства, чем мерами по борьбе с пандемией и поддержкой населения:

«Послушайте, у нас элементарная пандемия. Где поддержка государства? Где это?» (Абхазия, Сухум, мужчины).

Решение местных властей открыть 1 августа 2020 г. границы с Россией – страной с высокой долей зараженных COVID-19 людей – в связи с экономическими проблемами республики, были позитивно восприняты местным населением:

«Абхазия – страна туризма, и чем больше будет российских туристов на пляжах, тем больше от этого поднимутся, естественно, экономические показатели жителей, которые должны свои семьи кормить…» (Абхазия, Гали, мингрелы).

В 2021 г. республика, наоборот, смогла извлечь выгоду благодаря открытым границам с Россией. Из-за временных отмен авиасообщения с Турцией и ограничений на курортах Краснодарского края (например, необходимости предъявления QR-кодов при заселении в гостиницы с 1 августа 2021 г.) Абхазия стала одним из немногих актуальных направлений пляжного туризма для россиян. По оценкам властей Республики, в 2021 г. туристический поток вырос по сравнению с 2019 г. и составил около 1,5 млн человек (в Абхазию летом 2021).

В свою очередь, полное закрытие границы (линии разграничения) с Грузией с марта 2020 г. отразилось на мингрельском населении Гальского района, тесно связанном с Грузией. Близкие родственные отношения, экономия на покупке более дешевых товаров в Грузии, более качественное медицинское обслуживание, а также получение грузинских социальных пособий побуждают мингрелов к переходу границы в обход официальных пропускных пунктов:

«Мы грузинская часть населения Абхазии, естественно, у нас родня вся находится на той стороне. Мы не можем не поехать туда. Я почему вам сегодня сказал, мы, если у нас родственник умирает в Зугдиди, мы пойдем через границу. Мы пересечем границу, зная, что нас могут арестовать, что нас оштрафуют, что нас побьют» (Абхазия, Гали, мингрелы).

Но даже в условиях пандемии граница не превращается в «линию фронта». Так, в 2020 г. пограничные пункты открывались для пропуска гуманитарной помощи ООН, которую завозили со стороны Грузии. Более того, с 11 февраля 2021 г. через линию разграничения стали пропускать некоторые категории жителей: пенсионеров, многодетные семьи, людей с ограниченными возможностями и нуждающихся в неотложной медицинской помощи. Однако сложность получения разрешения, отсутствие необходимого паспорта и необходимость соблюдать карантин в течение определенного времени после возвращения, часто вынуждает мингрельское население Абхазии нелегально пересекать границу.

Заключение

Динамика конфликтов под влиянием распространения инфекции COVID-19 определяется как текущим уровнем взаимодействия между сторонами, так и реакцией правительств на вирус. Конфликт может препятствовать усилиям по борьбе с пандемией и выступать в качестве катализатора ее распространения. Пандемия привела к дальнейшей эскалации напряженности в большинстве де-факто государств, обнажив уязвимые места сепаратистских территорий и пределы их зависимости от внешней поддержки.

Эпидемия COVID-19 существенно усилила барьерные функции границ с материнскими государствами, чаще всего по инициативе самих де-факто государств. Причины таких решений разные. В том числе они могут быть связаны с желанием властей де-факто государств ограничить расходы граждан в соседних странах в условиях экономического кризиса, а также с опасениями коллапса систем здравоохранения из-за «импорта» инфекции. Кроме того, блокируя передвижения через границы, местные элиты извлекают дополнительную прибыль за счет серых схем и ограничивают отток капитала. Однако подобные решения властей вызывают острое недовольство населения, так как значительные социальные группы лишаются ресурсов для выживания. В свою очередь прекращение связей между непризнанными республиками и их материнскими государствами на длительное время, по какой бы то ни было причине, сильно ограничивает трансграничные взаимодействия и не способствует восстановлению доверия к ним. В конечном счете этот фактор может существенно повлиять на устойчивость политических режимов и жизнеспособность государств де-факто.

Границы же с государствами-патронами в меньшей степени подверглись ужесточению режима. Например, границы Абхазии и Южной Осетии с Россией были открыты уже в конце лета 2020 г., а границы республик Донбасса для выезда в Россию никогда не закрывались. В то же время коронакризис показал критический уровень зависимости постсоветских де-факто государств от государств-патронов. Сокращение финансовой помощи со стороны России и нарушение коммуникаций вызвало огромные трудности у Южной Осетии и Абхазии, вплоть до дестабилизации бюджетной сферы на несколько месяцев. Это свидетельствует о том, что полный обрыв связей с государством-патроном может привести к фактическому краху де-факто государства.

Библиография

Абхазию летом посетило рекордное число иностранных туристов – Бжания // REGNUM. 2021. 25 окт. URL: https://regnum.ru/news/economy/3406312.html (дата обращения: 22.02.2022).

Аузан А.А. Глобальные институциональные последствия коронакризиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 1. С. 204–208.

Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Колосов В.А., Павлюк С.Г., Попов Ф.А., Туров Н.Л. Жизнь поверх границ конфликта: Социально-экономические аспекты трансграничного взаимодействия внутри разделенных городов (на примере Бендер и Дубоссар) // Известия РАН. Сер. географическая. 2017. № 3. С. 45–57. URL: https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/565/460 (дата обращения: 22.02.2022).

Вымятнина Ю. Что будет с экономикой России после пандемии? Объясняет декан факультета экономики Европейского университета // Собака.ru 2020. 01 мая URL: https://www.sobaka.ru/nvr/lifestyle/finance/107819 (дата обращения: 22.02.2022).

Голунов С.В., Зотова М.В. Въездной туризм в постсоветских де-факто государствах // Известия РАН. Сер. географическая. 2021. № 5. С. 699–713. URL: https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1409 (дата обращения: 22.02.2022).

Заяц Д.В. Институализированные непризнанные государства на постсоветском пространстве // Социально-экономическая география: История, теория, методы, практика 2021: Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием, Смоленск, 15–17 октября 2021 года. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. С. 277–284.

Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.

Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. Неконтролируемые территории в современном мире: Теория, генезис, типы, динамика // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 23–51.

Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства: Траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 79–89.

МИД Карабаха представил новые правила въезда для иностранцев // Armanian Report. 2021. 08 февр. URL: https://armenianreport.com/ru/pubs/272441/ (дата обращения: 22.02.2022).

Наши в РФ: Кто, где и кем? Исследование трудовой эмиграции из ДНР в РФ // DNR Live. Деловой портал. 2016. 26 окт. URL: https://dnr-live.ru/issledovanie-trudovoy-emigratsii-iz-dnr-v-rf/ (дата обращения: 22.02.2022).

Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: Основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.

Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. Москва: ИМЭМО РАН, 2021. 130 с.

Себенцов А.Б., Карпенко М.С., Гриценко А.А., Туров Н.Л. Экономическое развитие как вызов для государств де-факто: постконфликтная динамика и видение перспектив в Южной Осетии // Известия РАН. Сер. географическая. 2022. (В печати).

«As if the war was not enough» – Stories of hardship and resilience in times of COVID-19: A report on the pandemic's impact on the protection of people caught up in conflict // International Committee of the Red Cross (ICRC) report. 2021. 07 April. URL: https://www.icrc.org/en/publication/4531-if-war-was-not-enough-stories-hardship-and-resilience-times-covid-19-report (дата обращения: 22.02.2022).

Blanc T.B. Somalia and Coronavirus. Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. 14 April. URL: https://carnegieendowment.org/2020/04/14/somalia-and-coronavirus-pub-81532 (дата обращения: 22.02.2022).

Censolo R., Morelli M. COVID-19 and the potential consequences for social stability // Peace economics, peace science and public policy. 2020. Vol. 26, N 3. P. 1–5.

Daw M.A. The impact of armed conflict on the epidemiological situation of COVID-19 in Libya, Syria, and Yemen // Frontiers in Public Health. 2021. 11 June. URL: https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.667364 (дата обращения: 22.02.2022).

Dodds K. et al. The COVID-19 pandemic: Territorial, political and governance dimensions of the crisis // Territory, Politics, Governance. 2020. Vol. 8, Iss. 3. P. 289–298.

Golunov S. Pandemic borders of post-Soviet de facto states // J. of borderlands studies. 2021. 20 Jun. P. 1–20. URL: https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495 (дата обращения: 22.02.2022).

Gurses M., Balta E., Çelik A.B. War and peace in the age of corona: an analysis of support for repressive state policies in divided societies // Turkish Studies. 2021. 05 Jul. P. 1–23. URL: https://doi.org/10.1080/14683849.2021.1948331 (дата обращения: 22.02.2022).

Ide T. COVID-19 and armed conflict // World Development. 2021. April. Vol. 140. URL: https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105355 (дата обращения: 22.02.2022).

Jackson A., Weigand F. New pandemic, same old problems. Centre for the Study of Armed groups report // Overseas Development Institute (ODI). URL: https://odi.org/en/insights/new-pandemic-same-old-problems-introducing-the-centre-for-the-study-of-armed-groups/ (дата обращения: 22.02.2022).

Kolosov V., Zotova M. «De-facto borders» as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet non-recognized states // Historical social research. 2021. Vol. 46, N 3. P. 178–207.

Mehrl M., Thurner P. The effect of the COVID-19 pandemic on global armed conflict: Early evidence // Political studies rev. 2021. Vol. 19, Iss. 2. P. 286–293.

Moore M., Gelfeld B., Okunogbe A., Paul Ch. Identifying future disease hot spots: Infectious disease vulnerability index. Santa Monica (CA): Rand corporation, 2016. 96 p.

Mustasilta K. From bad to worse? The impact(s) of Covid-19 on conflict dynamics // European Union Institute for Security Studies Briefs. 2020. 11 June. URL: https://www.iss.europa.eu/content/bad-worse-impacts-covid-19-conflict-dynamics (дата обращения: 22.02.2022).

Nagi A. Yemen and coronavirus // Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/04/14/yemen-and-coronavirus-pub-81534 (дата обращения: 22.02.2022).

Pegg S. De facto states in the international system. Vancouver: University of British Columbia, 1998. 26 p.

Posen B.R. Do pandemics promote peace? // Foreign Affairs. 2020. 23 April. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-23/do-pandemics-promote-peace (дата обращения: 22.02.2022).

The COVID-19 challenge in post-Soviet breakaway statelets // International Crisis Group Brief. 2020. N 89. 20 p. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20(1).pdf (дата обращения: 22.02.2022).

Vlas C. Transnistria's public health system and SARS-CoV-2: The challenges of an unrecognized state facing a global pandemic // Society and economy. 2021. Vol. 43, Iss. 3. P. 192–207.

World economic outlook update // Internationally Monetary Fund (IMF) annual report. 2021. 41 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update (дата обращения: 22.02.2022).

Yayboke E., Graff C., Staguhn J. Beyond emergency pandemic response // Center for Strategic and International Studies (CSIS) Briefs. 2021. 6 p. URL: https://www.csis.org/analysis/beyond-emergency-pandemic-response-case-prioritizing-peacebuilding-and-conflict-prevention (дата обращения: 22.02.2022).

References

Abxaziyu letom posetilo rekordnoe chislo inostranny`x turistov – Bzhaniya [Record number of foreign tourists visited Abkhazia in summer – Bzhaniya] // REGNUM. 2021. 25 Oct. URL: https://regnum.ru/news/economy/3406312.html (date of access: 22.02.2022).

«As if the war was not enough» – Stories of hardship and resilience in times of COVID-19: A report on the pandemic's impact on the protection of people caught up in conflict // International Committee of the Red Cross (ICRC) report. 2021. 07 April. URL: https://www.icrc.org/en/publication/4531-if-war-was-not-enough-stories-hardship-and-resilience-times-covid-19-report (date of access: 22.02.2022).

Auzan A.A. Global`ny`e institucional`ny`e posledstviya koronakrizisa [Global Institutional Consequences of the Corona Crisis] // Zhurnal Novoj e`konomicheskoj associacii [Journal of the New Economic Association]. 2021. N 1. P. 204–208.

Blanc T.B. Somalia and Coronavirus. Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. 14 April. URL: https://carnegieendowment.org/2020/04/14/somalia-and-coronavirus-pub-81532 (date of access: 22.02.2022).

Brazhalovich F.L., Klyuchnikov M.I., Kolosov V.A., Pavlyuk S.G., Popov F.A., Turov N.L. Zhizn` poverx granicz konflikta: Social`no-e`konomicheskie aspekty` transgranichnogo vzaimodejstviya vnutri razdelenny`x gorodov (na primere Bender i Dubossar) [Life beyond the borders of conflict: Socio-economic aspects of cross-border interaction within divided cities (on the example of Bendery and Dubossary)] // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. 2017. N 3. P. 45–57. URL: https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/565/460 (date of access: 22.02.2022).

Censolo R., Morelli M. COVID-19 and the potential consequences for social stability // Peace economics, peace science and public policy. 2020. Vol. 26, N 3. P. 1–5.

Daw M.A. The impact of armed conflict on the epidemiological situation of COVID-19 in Libya, Syria, and Yemen // Frontiers in Public Health. 2021. 11 June. URL: https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.667364 (date of access: 22.02.2022).

Dodds K. et al. The COVID-19 pandemic: Territorial, political and governance dimensions of the crisis // Territory, Politics, Governance. 2020. Vol. 8, Iss. 3. P. 289–298.

Golunov S. Pandemic borders of post-Soviet de facto states // J. of borderlands studies. 2021. 20 Jun. P. 1–20. URL: https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495 (date of access: 22.02.2022).

Golunov S.V., Zotova M.V. V``ezdnoj turizm v postsovetskix de-fakto gosudarstvax [Travel tourism in post-Soviet de facto states] // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. 2021. N 5. P. 699–713. URL: https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1409 (date of access: 22.02.2022).

Gurses M., Balta E., Çelik A.B. War and peace in the age of corona: an analysis of support for repressive state policies in divided societies // Turkish Studies. 2021. 05 Jul. P. 1–23. URL: https://doi.org/10.1080/14683849.2021.1948331 (date of access: 22.02.2022).

Ide T. COVID-19 and armed conflict // World Development. 2021. April. Vol. 140. URL: https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105355 (date of access: 22.02.2022).

Jackson A., Weigand F. New pandemic, same old problems. Centre for the Study of Armed groups report // Overseas Development Institute (ODI). URL: https://odi.org/en/insights/new-pandemic-same-old-problems-introducing-the-centre-for-the-study-of-armed-groups/ (date of access: 22.02.2022).

Kolosov V.A., Sebenczov A.B., Turov N.L. Nekontroliruemy`e territorii v sovremennom mire: Teoriya, genezis, tipy`, dinamika [Uncontrolled territories in the modern world: Theory, genesis, types, dynamics] // Kontury` global`ny`x transformacij: Politika, e`konomika, pravo [Outlines of global transformations: Politics, economics, law]. 2021. T. 14, N 1. P. 23–51.

Kolosov V., Zotova M. «De-facto borders» as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet non-recognized states // Historical social research. 2021. Vol. 46, N 3. P. 178–207.

Markedonov S.M. Postsovetskie de-fakto gosudarstva: Traektorii bor`by` za suverenitet [Post-Soviet De Facto States: Trajectories of the Struggle for Sovereignty] // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. T. 65, N 12. P. 79–89.

Mehrl M., Thurner P. The effect of the COVID-19 pandemic on global armed conflict: Early evidence // Political studies rev. 2021. Vol. 19, Iss. 2. P. 286–293.

MID Karabaxa predstavil novy`e pravila v``ezda dlya inostrancev [Karabakh MFA presents new entry rules for foreigners] // Armanian Report. 2021. 08 Fevr. URL: https://armenianreport.com/ru/pubs/272441/ (date of access: 22.02.2022).

Moore M., Gelfeld B., Okunogbe A., Paul Ch. Identifying future disease hot spots: Infectious disease vulnerability index. Santa Monica (CA): Rand corporation, 2016. 96 p.

Mustasilta K. From bad to worse? The impact(s) of Covid-19 on conflict dynamics // European Union Institute for Security Studies Briefs. 2020. 11 June. URL: https://www.iss.europa.eu/content/bad-worse-impacts-covid-19-conflict-dynamics (date of access: 22.02.2022).

Nashi v RF: Kto, gde i kem? Issledovanie trudovoj e`migracii iz DNR v RF [Ours in the Russian Federation: Who, where and by whom? Study of labor emigration from the DPR to the Russian Federation] // DNR Live. Delovoj portal [Business portal]. 2016. 26 Okt. URL: https://dnr-live.ru/issledovanie-trudovoy-emigratsii-iz-dnr-v-rf/ (date of access: 22.02.2022).

Nagi A. Yemen and coronavirus // Coronavirus in conflict zones: A sobering landscape / F. Brown, J. Blanc (eds.). Washington (DC): Carnegie Endowment for International Peace, 2020. URL: https://carnegieendowment.org/2020/04/14/yemen-and-coronavirus-pub-81534 (date of access: 22.02.2022).

Popov F.A. Droblenie politicheskogo prostranstva mira: Osnovny`e formy` i sovremenny`e tendencii [Fragmentation of the Political Space of the World: Main Forms and Current Trends] // Regional`ny`e issledovaniya [Regional studies]. 2015. N 2. P. 64–73.

Pegg S. De facto states in the international system. Vancouver: University of British Columbia, 1998. 26 p.

Posen B.R. Do pandemics promote peace? // Foreign Affairs. 2020. 23 April. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-04-23/do-pandemics-promote-peace (date of access: 22.02.2022).

Rossiya i mir: 2022. E`konomika i vneshnyaya politika. Ezhegodny`j prognoz / Ruk. proekta A.A. Dy`nkin, V.G. Baranovskij. Moskva: IME`MO RAN, 2021. 130 p.

The COVID-19 challenge in post-Soviet breakaway statelets // International Crisis Group Brief. 2020. N 89. 20 p. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b089-covid-and-statelets%20(1).pdf (date of access: 22.02.2022).

Sebenczov A.B., Karpenko M.S., Gricenko A.A., Turov N.L. E`konomicheskoe razvitie kak vy`zov dlya gosudarstv de-fakto: postkonfliktnaya dinamika i videnie perspektiv v Yuzhnoj Osetii [Economic Development as a Challenge for De Facto States: Post-Conflict Dynamics and Perspectives in South Ossetia] // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. 2022. (V pechati).

Vy`myatnina Yu. Chto budet s e`konomikoj Rossii posle pandemii? Ob``yasnyaet dekan fakul`teta e`konomiki Evropejskogo universiteta [What will happen to the Russian economy after the pandemic? Explains the Dean of the Faculty of Economics of the European University] // Sobaka.ru. 2020. 01 May URL: https://www.sobaka.ru/nvr/lifestyle/finance/107819 (date of access: 22.02.2022).

Vlas C. Transnistria's public health system and SARS-CoV-2: The challenges of an unrecognized state facing a global pandemic // Society and economy. 2021. Vol. 43, Iss. 3. P. 192–207.

World economic outlook update // Internationally Monetary Fund (IMF) annual report. 2021. 41 p. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update (date of access: 22.02.2022).

Yayboke E., Graff C., Staguhn J. Beyond emergency pandemic response // Center for Strategic and International Studies (CSIS) Briefs. 2021. 6 p. URL: https://www.csis.org/analysis/beyond-emergency-pandemic-response-case-prioritizing-peacebuilding-and-conflict-prevention (date of access: 22.02.2022).

Zayacz D.V. Institualizirovanny`e nepriznanny`e gosudarstva na postsovetskom prostranstve [Institutionalized unrecognized states in the post-Soviet space] // Social`no-e`konomicheskaya geografiya: Istoriya, teoriya, metody`, praktika 2021: Sbornik nauchny`x statej VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem [Socio-economic geography: History, theory, methods, practice 2021: Collection of scientific articles of the VII All-Russian scientific conference with international participation], Smolensk, 15–17 oktyabrya 2021 goda. Smolensk: Smolenskij gosudarstvenny`j universitet, 2021. P. 277–284.

Zayacz D.V. Fenomen nepriznanny`x gosudarstv v sovremennom mire [The phenomenon of unrecognized states in the modern world] // Geograficheskaya sreda i zhivy`e sistemy` [Geographical environment and living systems]. 2020. N 1. P. 53–69.